

А.М. ФИЛИТОВ

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА КЛАССИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Хрестоматийная схема диалектики общественного развития “по спирали” в определенном смысле может быть применена и к историографии. Возврат к анализу классических и, казалось бы, досконально известных источников на деле может принести неожиданные и плодотворные результаты, став новым витком в развитии нашего знания. Успешный новаторский пример подобного анализа – 2-х томное документальное исследование “Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны”, написанное заведующим кафедрой МГИМО (У) МИД России д.и.н. В.О. Печатновым и его соавтором к.и.н. И.Э. Магадеевым¹.

Переписка “большой тройки” – лидеров антигитлеровской коалиции – была впервые опубликована в СССР в 1957 г. – задолго до рассекречивания архивов военных лет на Западе и сразу заняла важнейшее место в изучении союзной дипломатии времен Второй мировой войны, раскрыв содержание судьбоносных эпистолярных переговоров на высшем уровне. Реагируя на англоязычную публикацию “Переписки” в 1958 г., один из зарубежных исследователей подчеркивал, что время, “когда государственные документы были доступны лишь спустя полвека с момента их создания”, окончательно ушло в прошлое².

Однако, несмотря на хрестоматийность “Переписки”, наше знание о многих связанных с ней аспектах (особенно касавшихся Сталина, по определению британского историка Н. Дэвиса, “мастера секретности”³), оставалось весьма ограниченным. Благодаря фундаментальному изданию американского историка У. Кимбэлла⁴ исследователи намного лучше были осведомлены о перипетиях эпистолярного общения Рузвельта и Черчилля, чем о том, как готовились послания советского лидера и как воспринимались ответные послания его партнеров. Это касается и второстепенного, на первый взгляд, но на самом деле важного вопроса о точности перевода этих писем на русский язык. Этот вопрос, разумеется, отсутствовал во взаимном общении лидеров США и Великобритании. Новое издание переписки Сталина и Рузвельта, предпринятое относительно недавно в США⁵, сопровождается лишь краткими пояснениями популярного свойства и вряд ли может претендовать на всесторонний охват темы.

Первая цель издания, поставленная В.О. Печатновым и И.Э. Магадеевым, отличается новизной как в рамках отечественной, так и мировой историографии: “проследить

Филитов Алексей Митрофанович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Печатнов В.О., Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны, т. 1–2. М.: Олма Медиа Групп, 2015, т.1, 704 с.; т. 2, 816 с.

² Stalin’s Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman. Review by R. Albrecht-Carrié. – American Slavic and East European Review, 1959, v. 18, № 3, p. 442.

³ Davies N. Europe: A History. London, 1997, p. 1013.

⁴ Churchill & Roosevelt. The Complete Correspondence, v. 1–3. Ed. by W. Kimball. Princeton, 1984. См. также: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995.

⁵ My Dear Mr. Stalin: The Complete Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin. New Haven, 2005.

процесс создания посланий, который был разным в Москве, Вашингтоне и Лондоне” (т. 1, с. 8). Такой “микроисторический” угол зрения позволяет удачно справиться с решением второй исследовательской задачи: “показать не только как создавались, но и как воспринимались эти послания их адресатами” (т. 1, с. 11), что отсылает историков к актуальному направлению науки – исследованию “образа других” или “имажинологии”⁶. Речь также идет и о задаче “макроисторического” уровня – “поставить переписку в более широкий контекст союзной дипломатии военных лет” (т. 1, с. 11). Решение последней из поставленных задач определяется как “самая важная в научном отношении цель данного издания” (т. 1, с. 11). Это вполне оправданная научная установка. По сути, речь идет об анализе огромных пластов истории Второй мировой войны: от хода боевых действий на фронтах и перипетий дипломатических переговоров по различным проблемам до судеб людей, так или иначе попадавших в поле зрения “Переписки”. По сути, решение трех названных проблем потребовало от авторов создания своего рода новой энциклопедии истории Второй мировой войны, далеко выходящей за рамки истории взаимоотношений лидеров ведущих стран антигитлеровской коалиции в том виде, в котором она была отражена в их переписке. Характерен в этом отношении принцип распределения документов по томам: не личностный, как в издании 1957 г. (первый том – переписка с британской стороной, второй – с американской), а хронологический (первый том охватывает события 1941–1943 гг., второй – историю двух заключительных лет войны, после достижения коренного перелома в ней). Такой подход в большей степени отвечает критериям историзма.

Внимание специалистов наверняка привлечет и название жанра, выбранное авторами: “документальное исследование”. Оно емко характеризует специфику работы, которая не является классической документальной публикацией с характерными для этого жанра небольшими пояснительными комментариями, приведением полных архивных шифров документов и их легенды. Перед нами – плод глубокого концептуального осмысления публикуемых документов, создание более полного и многокрасочного, чем было ранее, образа истории. Этот жанр опробован В.О. Печатновым в серии его предыдущих публикаций⁷; к нему же в немалой степени можно отнести ставшую классической для отечественной историографии работу О.А. Ржешевского⁸.

Решение тех трех проблем, о которых говорилось выше, было бы невозможно без обращения исследователей к новому и обширному кругу источников, прежде всего архивных. Учитывая, что сталинский “угол” переписки оставался наименее известным не только зарубежным, но и отечественным историкам, правомерно, что основу источниковой базы составили материалы трех российских архивов: Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ; прежде всего “сталинского фонда”), Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Архива Президента Российской Федерации (АП РФ). Уникальности изданию прибавил тот факт, что специально для него был рассекречен ряд архивных документов, в частности шифрованные телеграммы посольств СССР в Лондоне и Вашингтоне из

⁶ Среди отечественных работ, написанных в рамках данного направления, см.: Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур: Россия глазами американцев, 1850–1880-е годы. М., 1998; Сергеев Е.Ю. Образ Запада в представлениях военной элиты России. 1900–1914 гг. М., 2001; Журавлева В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М., 2012.

⁷ Печатнов В.О. “Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю”. Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре–декабре 1945 г. – Источник, 1999, № 2; *его же*. Сталин – Рузвельт – Черчилль: “Большая тройка” через призму переписки военных лет. – Вестник МГИМО-Университета, 2009, № 5(8); *его же*. Как Сталин и Молотов писали Черчиллю. – Россия в глобальной политике, 2009, № 4; *его же*. Переписка У. Черчилля с И.В. Сталиным в годы Великой Отечественной войны. По документам британских архивов. – Международная жизнь, 2010, № 7.

⁸ Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы. Комментарии. 1941–1945. М., 2004.

фондов АВП РФ, позволившие по-новому взглянуть на “внутреннюю кухню” советской дипломатии. Широкий список опубликованных советских дипломатических и военных документов, привлеченных авторами, среди которых обратим внимание на последнее издание “Документов внешней политики СССР” за 1942 г., опубликованное МИД РФ в 2010 г.⁹

Авторы обработали широкий массив документов многих зарубежных архивов: Национального архива Великобритании (одни из наиболее ценных – фонды премьер-министра, Кабинета министров, Форин-оффиса), личного архива Черчилля в Кембридже, Национального архива США, Библиотеки Рузвельта в Гайд-парке (особое значение имели фонды Штабной комнаты, Секретариата президента и его помощника Г. Гопкинса), Библиотеки Г. Трумэна в г. Индепенденс (штат Миссури). Среди опубликованных зарубежных официальных документов отдельного упоминания заслуживает фундаментальное издание бумаг Черчилля за 1941–1942 гг. под редакцией британского историка М. Гилберта¹⁰.

Общее количество проработанных авторами документов составляет около 5 тыс., что внушительно само по себе; немалая часть из них вводится в научный оборот впервые. В этом отношении подготовленное в течение пяти лет издание представляет собой без преувеличения уникальное явление в историографии¹¹.

Еще одна сильная сторона работы, связанная с авторской подборкой источников и их изучением, – привлечение дневников государственных деятелей и дипломатов стран антигитлеровской коалиции. Хотя многие из этих источников опубликованы, они не так часто попадают в поле зрения отечественных исследователей. Среди них дневники А. Кадогана, первого заместителя британского министра иностранных дел А. Идена, О. Харви, помощника А. Идена, Дж. Колвилла, личного секретаря Черчилля, А. Лассела, личного секретаря короля Георга VI¹². Их свидетельства незаменимы для изучения как составления посланий Черчилля, так и реакции Лондона на телеграммы Сталина. В этом ряду следует отметить и скрупулезное использование авторами недавно опубликованных дневников посла СССР в Великобритании И.М. Майского¹³. В совокупности с неизвестными ранее шифrogramмами Майского из Лондона они позволили полнее выявить роль этого выдающегося дипломата в развитии советско-британских отношений в 1941–1943 гг.

Столь обширная и новаторская база источников и их тщательный анализ позволили авторам успешно достичь поставленных целей. Очевидным достижением является факт, что историкам удалось выявить ряд новых посланий, по тем или иным причинам не вошедших в издание 1957 г. Среди них “неофициальное” послание Рузвельта, переданное Сталину через посла СССР в США А.А. Громыко 25 августа 1943 г. (т. 1, с. 533–534). Это послание позволило еще раз подчеркнуть терпимое и уравновешенное отношение к Сталину со стороны президента США. Впервые публикуется неотправленное послание Сталина в Лондон и Вашингтон от 25 сентября 1943 г. (т. 1, с. 567), содержавшее важное предложение о заключении военно-политического союза “большой тройки”. Оно предусматривало, согласно черновой версии, “еще большее укрепление нашего боевого союза в борьбе против гитлеровской Германии, а также дальнейшее развитие нашего сотрудничества в послевоенное время в интересах мира

⁹ Документы внешней политики СССР, т. XXV, кн. 1–2. Тула, 2010.

¹⁰ The Churchill War Papers. V. III. The Ever Widening War, 1941. London, 2000; The Churchill Documents. V. 17. Testing Times, 1942. Hillsdale, 2014.

¹¹ О современном состоянии историографии антигитлеровской коалиции см.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. М., 2014, с. 13–29.

¹² The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. London, 1971; The War Diaries of Oliver Harvey. London, 1978; Colville J. The Fringes of Power. Downing Street Diaries 1939–1955. London, 2004; King’s Counsellor. Abdication and War: The Diaries of Sir Alan Lascelles. London, 2007.

¹³ Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943, кн. 2, ч. 2. М., 2009.

и безопасности народов”. Впервые публикуются и другие послания (т. 1, с. 216; т. 2, с. 239).

Представляется обоснованным вывод авторов, что “сам факт циркуляции такой идеи в советском руководстве говорит о том, что в Кремле серьезно относились к развитию союзного сотрудничества и после войны, стремясь поставить его на прочную правовую основу” (т. 1, с. 567). Основываясь на анализе проектов послевоенного устройства мира, циркулировавших в НКВД в 1944–1945 гг., к такому же заключению пришел и британский историк Дж. Робертс, полагавший, что “размышления Майского, Громыко и Литвинова являются серьезными показателями того, что Сталин и Молотов отдавали предпочтение продолжению трехстороннего сотрудничества после войны”¹⁴.

Один из важных выводов авторов по результатам изучения “личной” переписки заключается в том, что она не была столь “личной” и “персональной”, как могло показаться на первый взгляд. Если в Москве Сталин опирался на заготовки посланий, сделанные наркомом иностранных дел В.М. Молотовым или его заместителями А.Я. Вышинским и В.Г. Деканозовым, то круг помощников Черчилля и Рузвельта был намного шире. Причем президент США подчас отдавал многие вопросы на откуп своим приближенным – Г. Гопкинсу, начальнику Штаба при президенте адмиралу У. Леги, начальнику Штаба армии США генералу Дж. Маршаллу, ограничиваясь небольшими вставками и исправлениями. Подобный вывод, однако, отнюдь не умаляет, а, напротив, подчеркивает значение тех случаев, когда “личный вклад” Сталина, Черчилля или Рузвельта был наиболее осязаемым и мог быть выявлен документально. Среди таких случаев – послание Сталина Черчиллю от 27 ноября 1942 г. о возможности “использовать для военных целей не только дарланов, но и черта с его бабушкой” (т. 1, с. 298–302); сталинское послание в Лондон от 29 марта 1943 г. с характерной, не без насмешки, вставкой слова “подлецы” применительно к тем, кто утверждает, “что Англия будто бы не воюет, а только наблюдает за войной со стороны” (т. 1, с. 404–407); послание Сталина Черчиллю от 25 апреля 1945 г. с саркастическим добавлением “Зная Вас” (т. 2, с. 548–550), написанное месяц спустя после крайне болезненного для союзных отношений “бернского инцидента”. Анализ правки Сталина не только серьезно расширяет наши знания о “внутренней кухне” переписки, но и нередко демонстрирует своеобразную тонкость личной дипломатии кремлевского диктатора, мастерски умевшего играть на психологических струнах своих партнеров. Авторы убедительно демонстрируют, как за отдельными словами и вставками в послания стояли продуманные дипломатические шаги, имевшие немаловажное значение для состояния отношений внутри антигитлеровской коалиции.

Речь идет не только о Сталине. Подробный анализ составления и особенностей содержания послания Черчилля в Москву от 28 апреля 1945 г. (т. 2, с. 562–565; “излияние души”, как назвал его сам британский премьер-министр) наглядно демонстрирует характерные черты Черчилля как политика и человека: бесспорный талант писателя, способность выстроить “симметрию и структуру” послания, широту дипломатического кругозора (послание охватывает польский, бельгийский, греческий, югославский вопросы, не говоря о деталях), готовность жестко отстаивать британские интересы, не чураясь скрытых угроз (фраза об “ужасах, подготавливаемых наукой”, хотя и вычеркнутая в итоге, явно намекала на скорое создание англо-американцами атомного оружия). Благодаря комментарию авторов книги послание предстает в более ярком свете – как один из мощных зарядов “артиллерии слов”¹⁵, которую Черчилль не раз использовал не только в литературных целях, но и в качестве инструмента личной дипломатии. О глубине погружения авторов в анализ посланий Черчилля, о значимости их выводов в рамках мировой историографии наглядно свидетельствует тот факт, что авторам удалось выявить неточности даже у самого авторитетного биографа Черчилля лорда М. Гилберта (т. 2, с. 355, 670).

¹⁴ Roberts G. Molotov: Stalin's Cold Warrior. Washington, 2012, p. 81.

¹⁵ Woods F. Artillery of Words: The Writings of Sir Winston Churchill. London, 1992.

Авторы книги доказывают, что изучение обстоятельств создания посланий имеет не только археографический интерес, но и многое говорит о малоизвестных политических и дипломатических аспектах деятельности антигитлеровской коалиции. Примечательно, к примеру, минимальное вмешательство Трумэна в составление ряда посланий Сталину весной–осенью 1945 г., когда помощники президента (госсекретарь Дж. Бирнс и У. Леги) позволяли себе самостоятельно отправить послание в Москву от имени президента, проинформировав его задним числом (т. 2, с. 715–716). Это еще раз подтверждает неопытность Трумэна (который “не был политическим гроссмейстером, а тем более, уровня Рузвельта”¹⁶), его постепенное вхождение в курс сложной дипломатии конца Второй мировой войны, сопровождавшееся его переходом на все более жесткие позиции по сравнению с предшественником.

Изучение авторами книги вопроса о восприятии посланий в Вашингтоне, Лондоне и Москве привело их к ценным выводам и новаторским суждениям о специфике союзной дипломатии и воздействовавших на нее факторах. Еще в середине 1970-х годов, размышляя о роли восприятия в международных отношениях, американский политолог Р. Джервис отмечал, что “многие важные различия в политических предпочтениях восходят к различиям в том, как деятели, принимающие решения, воспринимают окружающую их среду”¹⁷. Информационная и когнитивная картина мира в умах государственных деятелей напрямую влияет на принимаемые ими решения; более того, влияние на саму эту картину является косвенным, но немаловажным способом повлиять на реальную политику.

Ранее высказанное В.О. Печатновым и И.Э. Магадеевым суждение, что «переписка “большой тройки” военных лет имела и серьезное психологическое измерение, которое требует специального изучения»¹⁸, получает на страницах их труда дальнейшее развитие. Используя документы дипломатической шифропереписки между советским посольством в Лондоне и Москвой, материалы дневника Майского, а также архивные британские документы, историки раскрывают малоизвестные детали “психологической дипломатии” Сталина в отношении Черчилля: “Благодаря проникательным депешам Майского и личным контактам с Черчиллем хладнокровный психолог Сталин хорошо разобрался в эмоциональной натуре премьера и научился играть на ее струнах, вызывая у Черчилля то ярость и бурное возмущение, то слезы благодарности и умиления. Если о первой реакции мы хорошо знаем из мемуаров самого Черчилля и его окружения, то вторая открывается только сейчас, во многом благодаря депешам и дневниковым записям Майского” (т. 1, с. 15). Среди ярких примеров того, как тонкий анализ Майского, учитывавшего психологию и натуру Черчилля, непосредственно влиял на действия Сталина – история послания от 23 июля 1942 г., детально прослеженная авторами (т. 1, 203–206). Безусловно, “Переписка” представляет пользу для исследователей, изучающих личность Майского – интерес же к этой теме в последнее время весьма велик¹⁹.

В целом можно отметить, что анализ авторами “психологической дипломатии” отличается новизной, демонстрируя, в частности, что нередко встречающиеся упрощенные представления о личности Сталина нуждаются в корректировке. Справедли-

¹⁶ *Согрин В.В.* Ф.Д. Рузвельт и СССР. 1933–1945 (к 80-летию установления дипломатических отношений между СССР и США). – США – Канада. Экономика, политика, культура, 2013, № 11, с. 85.

¹⁷ *Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton, 1976, p. 14–15.

¹⁸ *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Канал связи Сталин–Рузвельт. – Вестник МГИМО-Университета, 2011, № 3, с. 143.

¹⁹ *Соколов В.В.* И.М. Майский между И.В. Сталиным и У. Черчиллем в первые месяцы войны. – Новая и новейшая история, 2001, № 6; *Пожарская С.П., Поздеева Л.В.* Иван Михайлович Майский. – Портреты историков, т. 4. М., 2004; *Печатнов В.О.* Посол СССР в Великобритании И.М. Майский (по страницам его дневниковых записей). – Новая и новейшая история, 2010, № 3.

вая критика преступлений сталинского режима не должна затмевать силы его личной дипломатии, твердого характера, достигнутых колоссальной ценой результатов. Как признают в отношении Сталина и зарубежные авторы, “для историка не просто иметь дело одновременно и с преступлениями, и со стальной решимостью, с грубыми промахами и победами”²⁰.

Для понимания “психологической дипломатии” Сталина авторам документального исследования были важны не только расчеты и действия кремлевского диктатора, но и эффект, производимый ими в Лондоне. Несмотря на то, что проблематика восприятия Советского Союза в политической элите Великобритании не раз попадала в поле зрения британских историков²¹, В.О. Печатнову и И.Э. Магадееву и здесь есть что сказать. Благодаря особенностям коллегиальной практики обсуждения посланий Черчилля в британском Кабинете министров британскую реакцию на сталинские послания удалось документировать еще более полно, чем действия Москвы. Среди наиболее запоминающихся случаев – история о том, как семь слов сталинского послания от 13 октября 1942 г. буквально произвели смятение в Лондоне (т. 1, с. 260–263). За одним лаконичным сталинским “благодарю” Черчилль увидел зловещие процессы, якобы происходившие в Кремле и сделавшие, по его мнению, “невозможным для Сталина дать конструктивный ответ”. Свое мнение он поспешил сообщить Рузвельту в послании от 24 октября 1942 г. Однако, как справедливо заключают авторы, причина краткости сталинского ответа, по всей видимости, была гораздо проще – все внимание советского руководства было сосредоточено на фронте, где под Сталинградом шли напряженные бои.

Психологической составляющей не была лишена и переписка Сталина с Рузвельтом. Уже в 1950-е годы первые рецензенты англоязычного издания “Переписки” отмечали, что “временами острые встречные обвинения (Сталина. – А.Ф.) были адресованы лишь Черчиллю”²², в то время как тон эпистолярного общения с Рузвельтом оставался ровным и уважительным, за исключением “бернского инцидента”, когда “состоялся обмен самыми жесткими посланиями, какие они (Сталин и Рузвельт. – А.Ф.) только посылали друг другу на протяжении всей войны”²³. Согласно выверенной авторской оценке, сталинское отношение к Рузвельту “определялось сложным переплетением объективных и субъективных факторов: превосходящей военно-экономической мощью США, более позитивным образом Америки по сравнению со старым противником царской и Советской России – Великобританией, меньшим конфликтным потенциалом советско-американских отношений по сравнению с советско-английскими, личной репутацией Рузвельта – инициатора дипломатического признания СССР и помощи ему в виде ленд-лиза по контрасту с ярким антисоветчиком, вдохновителем похода Антанты в годы Гражданской войны Черчиллем” (т. 1, с. 13). Использование личной дипломатии было характерно и для Рузвельта. Как отмечал российский американист В.В. Согрин, “особое значение Рузвельт придавал личным отношениям и контактам со Сталиным. Как представляется, Рузвельт делал максимум возможного для завоевания доверия советского вождя”²⁴.

Авторы успешно решили и третью ключевую исследовательскую задачу – поместить “Переписку” в контекст Великой Отечественной и Второй мировой войн. Очевидна необычайная сложность этой задачи. 869 текстов посланий, которые опублико-

²⁰ Mawdsley E. Stalin: Victors are not Judged. – The Journal of Slavic Military Studies, 2006, v. 19, № 4, p. 724.

²¹ Китчен М. “Загадка, покрытая мраком неизвестности”: британские оценки СССР на начальном этапе Второй мировой войны. – Война и политика. 1939–1941. М., 2000, с. 106–124; Folly M.H. Churchill, Whitehall and the Soviet Union, 1940–1945. London, 2000; Shaw G.L. The British Political Elite and the Soviet Union, 1937–1939. London, 2003.

²² Stalin’s Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman, p. 443.

²³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов, т. 9, с. 701.

²⁴ Согрин В.В. Указ. соч., с. 79, 81.

ваны авторами, представляют собой, как они отмечают, «лишь “верхушку айсберга”, под которой скрывается огромный массив коалиционной дипломатии и военного взаимодействия великих держав; почти у каждого из них есть своя, порой весьма непростая и поучительная, история; многие слова имеют особое значение, подчас скрытое от внешнего взгляда» (т. 1, с. 11). Огромной заслугой исследователей следует считать тот факт, что они глубоко проникли в массив сложных и до конца еще не вполне исследованных вопросов. Можно с уверенностью сказать, что специалисты по самым разным проблемам Великой Отечественной и Второй мировой войн найдут на страницах издания много ценных и новых фактов.

Умение авторов при сохранении целостности документального исследования менять исследовательскую оптику, переходя от частных, но важных и интересных сюжетов (как, к примеру, трагического инцидента в небе над Югославией в ноябре 1944 г., когда в бой по ошибке вступили американские и советские самолеты, или инцидент с потоплением советской подводной лодки Л-16 в районе Сан-Франциско в октябре 1942 г.), к глобальным стратегическим и дипломатическим проблемам войны (“второй фронт”, ленд-лиз), заслуживает отдельного упоминания. Среди наиболее очевидных фактологических достижений работы, всегда особо ценимых историками-профессионалами, можно назвать новые сведения из АП РФ и АВП РФ (т. 1, с. 622–623), с полной очевидностью демонстрирующие личное желание Рузвельта остановиться в советском посольстве в Тегеране в период первой встречи лидеров “большой тройки” в 1943 г. – приоритетными для него были не гипотетические риски от советских прослушивающих устройств, на которых делает акцент ряд зарубежных исследователей²⁵, а возможность установления личного контакта со Сталиным. Благодаря материалам РГАСПИ и АВП РФ впервые с большой степенью детализации удалось восстановить обстоятельства обмена посланиями между Сталиным, с одной стороны, и Черчиллем и Трумэнном – с другой, от 5–8 мая 1945 г. (т. 2, с. 586–599), в дни, когда счет до долгожданной победы над Германией “шел уже на часы и даже минуты” (т. 2, с. 510)²⁶.

Специалистов по “польскому вопросу” в годы Второй мировой войны явно интересуют сведения американских и российских архивов о планировании визита О. Ланге и Ст. Орлеманского в СССР весной 1944 г. и позиции Рузвельта в данном вопросе (т. 2, с. 105–107). Новые материалы были привлечены при анализе “бернского инцидента”, продолжающего привлекать внимание историков²⁷. Британские документы вскрыли определенное своеволие штаба Верховного главнокомандующего союзными силами на Средиземном море фельдмаршала Г. Александера, не проинформировавшего Москву через британскую военную миссию о швейцарских переговорах, вопреки имевшимся указаниям, что усугубило негативное восприятие инцидента Сталиным, знавшим о дискуссиях в Берне благодаря советской разведке (т. 2, с. 464). Материалы Библиотеки Рузвельта, ранее не замеченные историками, позволили подробным образом раскрыть обстоятельства создания предсмертного послания Рузвельта Сталину от 11 апреля 1945 г. – шага к примирению после охлаждения, связанного с “бернским инцидентом” (т. 2, с. 499–501). Некоторые сведения, ранее известные лишь по документам зарубежных архивов (как, к примеру, зондаж представителя Трумэна Дж. Дэвиса, в мае 1945 г. по организации встречи президента со Сталиным тет-а-тет за день-два до встречи

²⁵ Kern G. How ‘Uncle Joe’ Bugged FDR. – *Studies in Intelligence*, 2003, v. 47, № 1; *Golway T. Together We Cannot Fail: FDR and the American Presidency in Years of Crisis*. Naperville, 2009, p. 42. Более “взвешенный” анализ см.: *Kimball W.F. A Different Take on FDR at Teheran*. – *Studies in Intelligence*, 2005, v. 49, № 3.

²⁶ Подробная история первых дней мая 1945 г. на базе материалов зарубежных архивов была воссоздана М. Гилбертом в 1995 г.: *Gilbert M. The Day the War Ended: May 8, 1945. – Victory in Europe*. New York, 1995.

²⁷ Еще раз о “Бернском инциденте”. Из архива Аллена Даллеса. Предисловие и публикация В.Л. Малькова. – *Новая и новейшая история*, 2013, № 5.

“большой тройки”), удалось подтвердить отечественными архивными документами (т. 2, с. 617–618).

Помимо фактологических достижений важно отметить и еще одно обстоятельство. Рецензируемая работа, находясь на острие новейшей отечественной и зарубежной историографии Второй мировой войны, дает комплексное и во многом новое представление о сложности и многогранности межсоюзного взаимодействия в 1941–1945 гг., традиционно охватываемого термином “антигитлеровская коалиция”. Как отмечалось в 9-м томе новейшего фундаментального труда “Великая Отечественная война 1941–1945 годов”, в современной историографии “антигитлеровская коалиция, которая традиционно анализировалась прежде всего на уровне военно-политического руководства трех ведущих держав и их контактов на высшем уровне (конференции большой тройки), предстает как более сложное и многогранное явление”²⁸.

На страницах работы представлены разные аспекты межсоюзного взаимодействия в годы войны. Акцент на личностном факторе, характерный в свое время еще для классической работы американского историка Г. Фейса²⁹, никуда не исчез, да и сложно представить себе, что он может исчезнуть – именно в руках конкретных лидеров “большой тройки” находились судьбы многих миллионов людей в годы войны. Как говорил Черчилль в Тегеране о “большой тройке”, “это – величайшая концентрация мировых сил, которая когда-либо была в истории человечества. В наших руках решение вопроса о сокращении сроков войны, о завоевании победы, о будущей судьбе человечества”³⁰.

На страницах “Переписки” отношения между Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем, “этими столь разными и выдающимися личностями” (т. 1, с. 12), предстают во всей их сложности и противоречивости. Помимо внимания к психологическим моментам взаимодействия, неизбежным в рамках “личной дипломатии”, авторы проявляют выраженное стремление вписать личности трех лидеров в более широкий социокультурный контекст: «Переписку “большой тройки” можно рассматривать еще и как межкультурный диалог представителей двух, во многом разнонаправленных социокультурных традиций – англо-американской и советско-российской» (т. 1, с. 18). Грузин Джугашвили-Сталин предстает в этом отношении не только как кадровый большевик, но и современник Первой мировой войны, личность, специфическим образом интегрировавшаяся в российскую государственно-историческую традицию, которая нашла свое выражение, среди прочего, в «традиционном российском комплексе по отношению к “коварному Западу”» (т. 1, с. 19). Черчиллевский аристократизм и снобизм представлен на страницах “Переписки” не менее выпукло (т. 1, с. 226, 493–494). Ценен вывод авторов о большей способности Рузвельта, чем британского премьер-министра, сдерживать эмоции и проявлять в некоторых случаях определенную эмпатию к Сталину. Хотя, возможно, и здесь своеобразный аристократизм Рузвельта, представителя “избранного клана аристократических семей, живущих в долине реки Гудзон”³¹, также сыграл свою роль, правда, в ином направлении. “Апломб аристократа с реки Гудзон освобождал его от стремления расценивать каждое взаимодействие с позиции получения максимального престижа”, – полагает американский историк Ф. Костиглиола³².

В своем внимании к личным, психологическим и социокультурным аспектам союзной дипломатии Второй мировой войны исследование В.О. Печатнова и И.Э. Магадеева не одиноко. В этом смысле оно является органичной частью новейшей оте-

²⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов, т. 9, с. 17.

²⁹ Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1967.

³⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., т. 2. М., 1978, с. 93.

³¹ Мальков В.Л. Великий Рузвельт. М., 2011, с. 9.

³² Costigliola F. Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton, 2012, p. 195.

чественной и зарубежной историографии, в рамках которой палитра традиционных военно-политических и экономических обстоятельств, влиявших на принятие решений, все активнее дополняется факторами социального и культурно-цивилизационного порядка³³. Одной из знаковых для этого направления в зарубежной историографии является упомянутая монография Костиглиолы³⁴. В целом, как суммировал историографическое состояние дел в начале XXI в. британский историк Д. Рейнольдс, “качественное исследование по международной истории должно включать в себя также социальную и культурную историю”³⁵.

Взаимодействие в рамках антигитлеровской коалиции не сводилось к личной дипломатии. На широкой документальной базе “Переписка” демонстрирует важную роль “посредников” в принятии ряда важных решений. Если о Майском уже шла речь, то нельзя не сказать и о британских послых в Москве С. Криппсе и А. Керре, а также об их американском коллеге А. Гарримане, деятельность которого давно находится в поле исследовательских интересов В.О. Печатнова³⁶. Все они являлись сильными дипломатами, оценки и рекомендации которых нередко воздействовали на содержание посланий, да и на состояние отношений в целом. Направление исследований истории антигитлеровской коалиции, акцентирующее роль послов, популярно в последнее время. Если работы Д. Майерса³⁷ и Д. Данна³⁸ были относительно редкими исследованиями по данной теме, то в 2010-е годы публикации о роли послов стран антигитлеровской коалиции в союзной дипломатии стали появляться чаще³⁹. Среди других факторов, влиявших, подчас в решающей степени, на союзную дипломатию в годы войны, в “Переписке” на основе доступных на сегодняшний день источников, в частности, разведывательных данных, лаконично, но емко представлена политическая роль ситуации на фронтах.

Упомянем и о еще одном, “низовом” уровне союзного взаимодействия в годы Второй мировой, также нашедшем отражение в “Переписке”. В 1941–1945 гг. в невиданный ранее по масштабу и близости контакт друг с другом вступили не только государственные и политические деятели СССР и стран Запада, но и обычные граждане. Один из немаловажных в этом смысле сюжетов – история часто непростого сосуществования британских моряков, выполнявших функции по доставке и передаче ленд-лизовских грузов, с одной стороны, и советских граждан, включая сотрудников органов госбезопасности, с другой⁴⁰. Узвлненный, как ему казалось, чересчур строгим отношением к британским подданным, Черчилль подчас поднимал этот, на общем фоне относительно незначительный, вопрос на уровень личных посланий Сталину (т. 1, 576–577, т. 2, с. 82).

“Переписка” с ее широким и одновременно крайне пристальным взглядом на самые различные аспекты развития “Великого альянса” является успешной попыткой на

³³ Мальков В.Л. Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009.

³⁴ См. также рецензию В.О. Печатнова на книгу Ф. Костиглиолы. – Новая и новейшая история, 2012, № 5.

³⁵ Reynolds D. From World War to Cold War: The Wartime Alliance and Post-War Transitions, 1941–1947 – The Historical Journal, 2002, v. 45, № 1, p. 220.

³⁶ Печатнов В.О. Московское посольство Аверелла Гарримана (1943–1946 гг.). – Новая и новейшая история, 2002, № 3.

³⁷ Mayers D. The Ambassadors and America's Soviet Policy. New York, 1995.

³⁸ Dunn D.J. Caught between Roosevelt and Stalin: America's Ambassadors to Moscow. Lexington, 1998. Русск. пер.: Данн Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004.

³⁹ См.: Costigliola F. Archibald Clark Kerr, Averell Harriman, and the Fate of the Wartime Alliance. – Journal of Transatlantic Studies, 2011, v. 9, № 2; Mayers D. The Great Patriotic War, FDR's Embassy Moscow, and Soviet-US Relations. – International History Review, 2011, v. 33, № 2.

⁴⁰ Евдокимова А.В. Английский персонал в СССР в годы Второй мировой войны. – Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008, № 67.

новом документальном уровне вернуться к панорамному и обобщающему взгляду на историю антигитлеровской коалиции на протяжении всего периода ее существования, который более 50 лет назад опробовал советский историк В.Л. Исразян⁴¹. В этом смысле “Переписка”, безусловно, является продолжением идей и подходов, сформулированных в монографии В.О. Печатнова о советско-американских отношениях в 1940-е годы⁴². Факт, что авторы документального исследования даже выходят за хронологические рамки, обозначенные в заглавии, доводя анализ до конца 1945 г., также показателен. Как ранее продемонстрировали работы В.О. Печатнова, а также ряда зарубежных исследователей⁴³, есть много аргументов в пользу исследовательского подхода, рассматривающего 1940-е годы, а, быть может, и 1939–1953 гг., как цельный хронологический период. Кривая международной истории в это время словно проделала полный цикл: от нижней точки неудачи Московских переговоров 1939 г., через взлет и падение “Великого альянса”, к “горячим” кризисам ранней “холодной войны”, вплоть до надежд на новую разрядку после смерти Сталина.

Труды подобного масштаба и замысла, как “Переписка”, даже при самом тщательном авторском подходе не могут обойтись без некоторых вопросов, требующих дальнейшего изучения. Авторы, например, признают, что различие в способах фиксации отправления и получения посланий в трех столицах не позволили в ряде случаев установить точные даты получения сталинских посланий Черчиллем и Рузвельтом (т. 1, с. 20–21). Между тем эти датировки можно установить и по документам АВП – сообщениям советских посольств о времени вручения сталинских посланий, что, правда, требует дополнительной и весьма кропотливой работы. Можно было бы порекомендовать авторам при анализе переписки по польскому и югославскому вопросам обратить большее внимание на недавние фундаментальные работы по истории Польши и Югославии в XX в., выпущенные Институтом славяноведения РАН⁴⁴. Полезным было бы и более активное использование цикла работ под руководством В.Т. Юнгблуда, посвященных региональным аспектам политики США в годы Второй мировой войны⁴⁵. Интригующим, хотя непосредственно и не связанным с целями, поставленными авторами, является вопрос о том, что знали о переписке лидеров “большой тройки” в Берлине? Авторы приводят яркий случай перехвата германской разведкой рузвельтовского послания Сталину от 29 сентября 1941 г. (т. 1, с. 72), но, как можно предположить, он был не единственным. Вопросы, оставшиеся без ответа, лишь указывают на сохраняющуюся актуальность темы переписки лидеров “большой тройки”, подготавливая ее новые издания. Представляется крайне желательным, чтобы “Переписка” как значимое достижение отечественной историографии стала известна и зарубежному читателю в переводе на иностранные языки.

Новое исследование “Переписки” стало результатом плодотворного взаимодействия российских историков с рядом российских и зарубежных государственных и общественных учреждений, а также международного научного сотрудничества с архивными учреждениями США и Великобритании, с зарубежными историками, вошедшими в редакционный совет издания.

⁴¹ Исразян В.Л. Антигитлеровская коалиция. Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны. М., 1964. См. также *Fenby J. Alliance: the Inside Story of How Roosevelt, Stalin and Churchill Won One War and Began Another*. San Francisco, 2006.

⁴² Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006.

⁴³ *Reynolds D. From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s*. Oxford, 2006; *Roberts G. Stalin's Wars: from World War to Cold War, 1939–1953*. New Haven, 2006.

⁴⁴ Югославия в XX веке: очерки политической истории. М., 2011; Польша в XX веке: очерки политической истории. М., 2012.

⁴⁵ Юнгблуд В.Т., Костин А.А. Политика США в Югославии в 1941–1945 гг. Киров, 2004; Юнгблуд В.Т., Чучалов А.В. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011; Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг. Киров, 2014.